

ИСПРАВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ РУКОПИСИ «ШАХНАМЭ»

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН (Ленинград)

Древнейшая из сохранившихся рукописей Шахнамэ, принадлежащая Британскому музею (каталог Rieu 21.103, в дальнейшем, условно, L)¹, полностью впервые была привлечена для работы над текстом поэмы лишь при подготовке московского издания последней². Как всякая средневековая рукопись, она не лишена недостатков. Однако, недостатки эти незначительны по сравнению с теми исключительными достоинствами, которыми эта рукопись, как и следовало ожидать, обладает. Кому-нибудь из пользующихся ею, рано или поздно, придется дать ее развернутую характеристику. Пока же в настоящей статье освещается всего лишь одна из ее ценных особенностей.

В трех местах этой рукописи встречаются исправления в виде косых штрихов, которыми перечеркнуты стихи. По внешнему виду эти штрихи нанесены рукою переписчика рукописи. Из дальнейшего станет ясно, что другому и не пришлось бы делать этого.

Наиболее простым является исправление на листе 201^a, последнее по порядку чтения поэмы. Здесь два смежных бейта внесены в текст дважды, одни непосредственно за другими, и повторенные перечеркнуты (рис. 1, строки 7 и 8).

Более сложно первое по порядку исправление, сделанное на листе 32^b. Здесь также перечеркнуто два смежных бейта, внесенных дважды в текст. Однако здесь написанные вторично не следуют непосредственно за первыми, а отделены от них одиннадцатью бейтами, которые таким образом оказались промежуточными между ними. Более того, в отличие от упомянутого случая, здесь перечеркнуты не повторно написанные бейты, а те, что были внесены в текст первыми (рис. 2, строки 21—

¹ Как известно, на последнем, восстановленном листе рукописи, текст которого, по-видимому, переписан с подлинного, пришедшего в негодность листа, приведена дата 675 г. х. = 1276 г. н. э. Существует, однако, мнение, основанное на некоторых стилистических особенностях письма рукописи, что дата эта не точная и рукопись нужно отнести к XIV в.

² شاهنامه فردوسی، متن انتقادی، مسکو، جلد اول ۱۹۶۰، جلد دوم ۱۹۶۲.
Фирдоуси, Шах-Наме, критический текст, М., т. I, 1960, т. II, 1962. В предисловии к первому тому этого издания перечислены все привлеченные для работы над текстом источники и материалы, а также изложены принципы самой работы. К сожалению, в части, касающейся последних, не все, отмеченное в русском тексте Предисловия, оказалось отраженным в его персидском переводе.

25). При этом, содержащееся во втором из перечеркнутых бейтов слово **وای**, сохранявшееся в своей более древней форме, чем ставшее ко времени составления рукописи более употребительным **رای**, заменено в повторно написанном бейте совершенно другим словом **زیبا**.

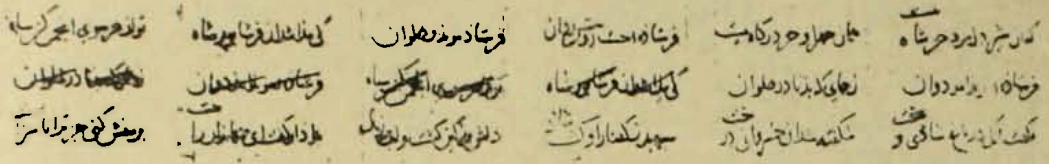

Рис. 1. Рукопись Шахнамэ, Rieu 21.103. Лист 201^a, строки 7—9.

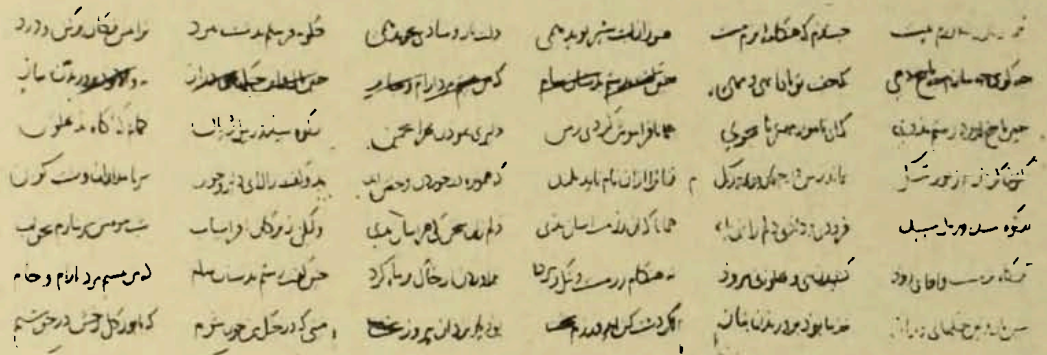

Рис. 2. Рукопись Шахнамэ, Rieu 21.103. Лист 32^b, строки 20—26.

Оставшееся, второе по порядку исправление похоже на предшествующее, но оно более сложно. На листе 33^a перечеркнуто в ряд три бейта, из конх второй и третий поэторены, но уже на листе 33^b, минуя большую главу в 87 бейтов, которая также, подобно упомянутым выше 11 бейтам, оказывается таким образом промежуточной (рис. 3, строка 23 и рис. 4, строка 24). Первый же из перечеркнутых бейтов не восстановлен и, как будет видно из дальнейшего, он был бы лишним, так как в нем

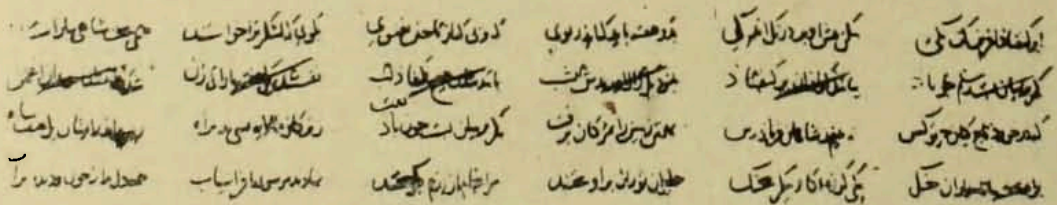

Рис. 3. Рукопись Шахнамэ, Rieu 21.103. Лист 33^a, строки 22—25.

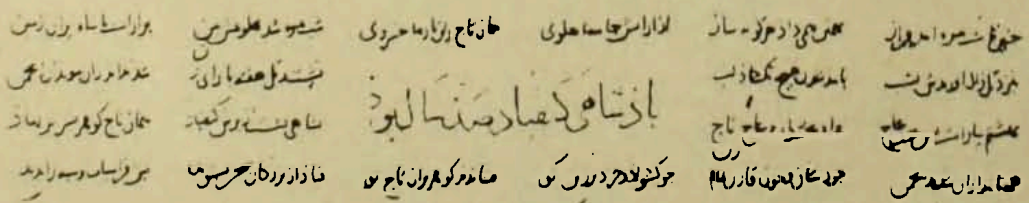

Рис. 4. Рукопись Шахнамэ, Rieu 21.103. Лист 33^b, строки 23—26.

в двух словах сообщается о том, о чем повествуется со многими подробностями в промежуточной главе.

Из сказанного можно заключить, что между первыми двумя исправлениями, с одной стороны, и третьим—с другой, есть существенная разница. В третьем случае можно говорить о действительной ошибке, допущенной переписчиком рукописи, сразу же замеченной им и исправленной. Это важный случай свидетельства о том, как простым способом перечеркивания переписчик рукописи исправлял свои ошибки. В дальнейшем к этому случаю больше возвращаться не придется. Что же касается первых двух исправлений текста, то здесь речь может быть лишь об условных ошибках переписчика, который, как выясняется, переписывал поэму не просто из одной рукописи в другую.

Работа этого переписчика представляет красноречивый пример того, как в то время (очевидно, также и в предшествующее и в последующее время) составлялись списки Шахнамэ³. Это была своего рода компилятивная работа. Переписчик, помимо основного списка, с которого он копировал поэму, располагал и другим, если не другими списками, которые не обязательно должны были содержать поэму полностью. Эти списки привлекались им постольку, поскольку содержали стихи, отсутствующие в основном списке. При переписывании поэмы такие вот стихи, которые могли представлять и небольшие отрывки, и отдельные эпизоды, и целые главы, а в отдельных случаях—и целые сказания, вносились во вновь составляемую рукопись.

Переписчик рукописи L в двух разных местах, где ему нужно было внести в нее стихи, отсутствующие в основном списке, механически продолжил текст по последнему. Заметив это, он исправил свою «ошибку», запросто перечеркнув то небольшое, что оказалось «не на месте». В обоих случаях, внося в свою рукопись вставку, он не сразу вернулся к основному списку, так как и восстанавливаемые бейты он брал из того списка, откуда заимствовал вставку. Вот почему сличение восстановленных бейтов с перечеркнутыми обнаруживает между ними расхождение.

По-видимому, новая рукопись не предназначалась для какой-нибудь важной особы и делалась не по специальному заказу. Иначе переписчику поневоле пришлось бы заменить потребовавшие исправления листы новыми. Для нас же эти исправления в виде перечеркнутых и восстановленных бейтов и вставок в текст представляют ценнейшие документы. Показывая, каким способом составлялись в свое время рукописи Шахнамэ, они, вместе с тем, свидетельствуют и о том, что основной список, с которого копировалась рукопись L, содержал по сравнению с ней более краткий текст поэмы. К сожалению, на основании всего двух «ошибок» переписчика невозможно судить о составе текста основного списка в целом. Однако, полагая, что эти «ошибки» составили исключение и что в большинстве случаев внесение в рукопись L стихов,

³ Само собой разумеется, что прослеживаемое ниже явление может быть распространено и на другие крупные поэтические произведения средневекового Ирана.

отсутствующих в основном списке, происходило гладко и не требовало исправлений, можно допустить, что расхождения между двумя этими текстами, вероятно, были более значительными.

При работе над крупными поэтическими произведениями средневекового Ирана легко прослеживается, что более краткие варианты любого из них неизменно достовернее более пространных. Исходя из этого, заведомо можно полагать, что список, использованный как основа при составлении рукописи L, содержал более надежный текст, чем последняя. Так ли обстоит дело в действительности?

Весьма благоприятным для данного случая является то, что первые два исправления в рукописи L относятся к одному и тому же разделу поэмы—«Царствование Гершаспа». В общераспространенной редакции поэмы, представленной изданиями, предшествующими московскому, многие места этого раздела, не говоря о нем в целом, вызывали сомнения. Основательность последних нашла подтверждение при подготовке московского издания. Было установлено, что некоторые из этих сомнительных мест представлены не всеми источниками, привлеченными для работы над текстом.

Более резкая картина обнаружилась в связи с отмеченными выше II промежуточными бейтами. Содержащиеся полностью в общераспространенной редакции поэмы, они оказались представленными (из числа всех привлеченных для московского издания источников) одной лишь рукописью L.

Эти промежуточные бейты, вместе с несколькими предшествующими им бейтами, приводятся ниже по рукописи L. Воспроизводимый отрывок относится к междуцарствию, возникшему в Иране со смертью царя Гершаспа. По повелению туранского царя Пашанга его сын Афрасиаб вторгается с большой армией в Иран. Иранцы обращаются за помощью к своему богатырю Залю. Но он стар и вынужден возложить миссию спасения страны на плечи своего еще юного и неопытного сына Рустема⁴.

ببالا سرت برتر از انجمن	برستم چنین گفت کای پیلتن
کزو بگسلد خواب و آرام و ناز	یکی کار پیشست و رنجی دهاز
چسازم که هنگامه برم نیست	ترا نوز پورا که رزم نیست
دلت ناز و شادی بجوید همی	هنوز از لبش شیر بوید همی
ترا بیش تر کان یر کین و درد	چگونه فرستم بدشت نبرد
که جفت، تو بادا مهی و بهی	چه گوئی چه سازم چه پاسخ دهی

«Так сказал он (Заль) Рустему:— Послушай-ка, слонотелый, ты, чья голова выше, чем у людей!

Предстоит (большое) дело и столь долгий труд, что из-за них оборвутся сон, покой и нега.

⁴ Ниже в переводе, так же как в дальнейших переводах, по мере возможности сохранены особенности языка приводимых текстов.

Тебе, сынок, еще не время воевать, [но] что мне делать,
раз нынче не до веселья.

От твоих губ все еще отдает запахом молока, и сердце
твое ищет радости и неги.

Как же мне послать тебя на поле брани против турок
полных злобы и [несущих] горе!

Что скажешь, что делать мне, какой дашь ответ? Да будут
(всегда) с тобою (дословно: с тобою в паре)
главенство и здравие!»

Составляющие продолжение следующие два бейта перечеркнуты:

چنين گفت رستم بدستان سام که من نيستم مرد آرام و جام
چنين يال و اين جنگيای دراز به والا بود پروريدن بناز

«Так ответил Рустем Дастану, сыну Сама:— Я не человек
покоя и (пиршественной) чаши.

(При) такой шее и таких длинных когтистых руках недостойно⁵ вос-
питывать (меня) в неге».

Далее следуют промежуточные бейты, завершающиеся восстано-
влением перечеркнутых:

چنين پاسخ آورد رستم بدوی	کو ای نامور مهتر نامجوی
همانا فراموش کردی ز من	دلیری نمودن بهر انجمن
زکوه سپند ⁶ و ز پیل زبان	گمانم که آگاه بد پهلوان
کنون گر بترسم ز پور بشنک	نماند ز من در جهان بوی و رنک
زنانرا از آن نام ناید بلند	که همواره در خوردن و خفتن اند
بدو گفت زال ای دلبر و جوان	سر نامداران و پشت گوان
زکوه سپند و ز پیل سپید	فرودی و دادی دلمرا نوید
همانا که آن زمت آسان بدی	دلم زان سخن کی هراسان بدی
ولیکن ز ترکان افراسیاب	شب تیره من سر نیارم بخواب
ترا گاه بزمست و آوای رود	کشیدن می و پهلوانی سرود
نه هنگام رزمست و ننگ و نبرد	بر آوردن از خاک بر ماه گرد

«Такой ответ дал ему Рустем:— О, ты, ищущий славы знаменитый
предводитель!

Пожалуй, ты позабыл об отваге, которую я проявлял во всяком
обществе.

Я полагаю, что пехлеван (т. е. ты, Заль) был (в свое время)
осведомлен о горе Сипанд и о свирепом слоне.

⁵ В рукописи ниже, в восстановленном бейте: не приличествует.

⁶ В подлиннике سپید.

Если же ныне я убоюсь сына Пашанга, [в память] обо мне не останется в мире ничего (дословно: ни запаха, ни цвета). У женщин потому и не возвышается имя, что они постоянно заняты едою и сном.

Сказал ему Заль:—О, ты, отважный и благородный глава прославленных и оплот воителей!

Ты преодолел (дословно: превзошел) и гору Сипанд, и Белого слона, и [тем] доставил моему сердцу радостные вести.

Если бы та битва была для тебя легкой, то, пожалуй, мое сердце не ужасалось бы при речи о ней⁷.

Однако при мысли об Афрасиабовых турках я не склоняю ко сну голову в темную ночь.

Для тебя теперь (еще) время пиров и звуков лютни, (время) пить вино и слушать сказания о богатырях,

(А) не время войны, вражды и сражений, (не время) взметать (в бою) прах от земли до луны».

Приведенные промежуточные бейты характеризуются, с одной стороны, не свойственной подлинным местам Шахнамэ ложноприподнятой манерой изложения, с другой—отсутствием чего-нибудь нового, еще не известного читателю. Более того, они содержат и явно лишний элемент. Так, опасения, высказанные Залем в бейтах, непосредственно предшествующих промежуточным, повторены в последних, но лишь в других выражениях. Отвечая отцу на эти опасения, Рустем кичится своей отвагой, проявленной, как он заявляет, «во всяком обществе» (بهر انجمن), хотя по ходу повествования он успел к тому времени совершить лишь два подвига: убить Белого слона и завоевать город-крепость на горе Сипанд. Таким образом, притязания Рустема оказываются неосновательными. Что же касается указанных двух его подвигов, то Рустем специально напоминает о них отцу и тот в своем ответе тоже говорит о них, как бы свидетельствуя, что они действительно были совершены. Причина этого несколько назойливого двукратного упоминания поясняется ниже по ходу разбора других сомнительных мест в том же разделе поэмы.

Поражает читателя совершенно неожиданная и ничем не оправдываемая, ни вообще в Шахнамэ, ни, тем более, в данном месте, нелестная сентенция в адрес женщин, к тому же и психологически ложная, поскольку она вложена, согласно тексту, в «еще пахнущие молоком» уста Рустема. Удивляет читателя и то, что этот отрок отвечает отцу, говорящему с ним со старчески прочувствованной заботливостью, не свойственной, кстати, героям Шахнамэ, в заносчиво-официальном тоне: «Я полагаю, что пехлеван был осведомлен...» (گمانم که آگاه بد پهلوان).

Таким образом, можно прийти к заключению, что рассмотренные промежуточные бейты безусловно сомнительны и не по одному, а по не-

⁷ Из текста не ясно, о какой битве речь—о прошлой или о предстоящей. По общему смыслу разговора более вероятно предположить последнее.

скольким признакам. Во-первых, по чисто формальным: последние выразились в том, что, как уже упоминалось, из всех древних рукописей Шахнамэ, привлеченных для подготовки московского издания поэмы, эти бейты представлены только рукописью L, да и в ней они следуют за перечеркнутыми стихами, вслед за ними повторенными. Во-вторых, в наименьшей мере сомнительны промежуточные бейты и по существу: не внося в повествование ничего нового, они засоряют текст ненужными повторениями и пересказами, содержащими неубедительный, а также и явно ложный элемент. В-третьих, они написаны языком, манера и тон которого не обычны для подлинных мест Шахнамэ.

Промежуточная глава, образовавшаяся в связи со вторым исправлением текста в рукописи L, в отличие от рассмотренных 11 бейтов, наличествует во всех списках поэмы, привлеченных при подготовке московского издания. Содержание этой главы сводится вкратце к тому, что Рустем по поручению своего отца Заль отправляется через заставы проникших в Иран туранских войск к горе Эльбурз и привозит оттуда через те же заставы отпрыска царского рода—Кобада, чтобы тот занял освобожденный со смертью Гершаспа иранский трон. В начальной части этой главы рукопись L не расходится с другими.

که بر گبر کوپال و بفراز یال	برستم چنین گفت فرخنده زال
گزین کن یکی لشکر هم گروه	برو تازیان تا بالبرز کوه
مکن پیش او بر درنگ اندکی	ابر کیقباد آفرین کن یکی
که و بی گه از تاختن نغوی	بدو هفته باید که ایدر بوی
همی تخت شاهی بیار استند	بگوئی که لشکر ترا خواستند

«Так сказал Рустему благоденствующий Заль:— Возьми палицу и распрями плечи (дословно: выпрями шею),

Поезжай поспешно к горе Эльбурз, отбери в спутники себе (достойное) войско,

Воздай Кей-Кобаду (подобающую) хвалу (дословно: призови свыше на Кей-Кобада должное благословение), не задерживайся нисколько при нем!

Ты должен быть здесь через две недели, не должен отдыхать от поспешной скачки ни в урочные, ни в неурочные часы.

Ты скажешь Кей-Кобаду, что, мол, войско тебя пожелало (на царство), что шахский трон приготовили для тебя».

В рукописи L далее следуют перечеркнутые три бейта:

بیامد گرازان بر کیقباد	کمر بر میان بست رستم جو باد
به آمد شدن هیچ نگشاد لب	به نزدیک زال آوردش به شب
شدند اندر آن موبدان انجمن	نشستند يك هفته با رای زن

«С быстротой ветра повязался Рустем поясом, прибыл горделиво к Кей-Кобаду,
Доставил его ночью к Залю, рта не раскрыл о том, как (сумел) обернуться.

Сидели они неделю, (совещаясь) с советником, собрались на тот [совет] мобеды».

В обычной же редакции, вместо этих трех бейтов, за первыми пятью бейтами идут следующие:

که در خورد تاج کیان جز نو کس نبینیم شاها نو فریادرس
جو زال زر ابن داستانها بگفت تهمتن زمین را بمژگان برفت
برخش اندر آمد همانگاه شاد گرازان بیامد بر کیقباد

«Ибо кроме тебя, о шах, спаситель ты наш, мы не видим никого достойного короны царей!

Когда старец Заль произнес эти слова, исполни (т. е. Рустем) обмел ресницами землю.

Радостный, тотчас же сел на (коня) Рахша, горделиво явился к Кей-Кобаду».

Из последних первые два бейта, как и нужно было ожидать, следуют в рукописи L за перечеркнутыми⁸. Третий же здесь отсутствует, причина чего вполне понятна: он является вариантом, точнее, переработкой первого из трех перечеркнутых бейтов.

Что же касается первоначальной редакции в рукописи L с бейтами, которые были потом перечеркнуты, то она представлена также и арабским переводом Бундари⁹.

فأنفذ زال ابنه رستم الى جبل البرز في جماعة من أعيان الأمراء
وفرسان والقواد و سار و طوى تلك المنازل البعيدة و المراحل المتقاذفة في
أسبوعين حتى أتى كيقباد و بشره بانتمت و أقبل معه و دخل المعسكر
ليلا و مكثوا أسبوعا يتشاورون و يمخضون الآراء حتى ترتبت الامور و
انتظمت الأحوال

«И послал Заль своего сына Рустема в обществе знатных начальников и ведущих витязей к горе Эльбурз. Тот отправился, прошел в две недели те далекие места и трудные переходы, явился к Кей-Кобад и пе-

⁸ С разночтением во второй мисре второго бейта: نه بینم ز شاهان فریادرس

الشاهنامه، نظمها بالفرسية ابو القاسم الفردوسی و ترجمها نثرا⁹
الفتح بن علی البنداری ... صححها ... الدكتور عبد الوهاب عزام ... بالقاهرة.

۱۹۲۲ م. ص ۹۷-۹۸.

редал ему радостную весть об избрании его на царство. И выступил он с ним, и прибыл ночью в лагерь. И провели они неделю, совещаясь и обдумывая планы, пока не были предприняты все меры и не пришли в порядок все дела».

Арабский перевод почти дословно передает содержание соответствующих ему бейтов, включая и те, что перечеркнуты в рукописи L. Поскольку арабский перевод независим от последней и предшествует ей по крайней мере на полстолетия, то не приходится сомневаться в том, что такая краткая редакция рассматриваемого эпизода в действительности существовала.

Таким образом, в рукописи L одновременно представлены два варианта эпизода с привозом в Иран Кей-Кобада: краткий, в 8 бейтов, но нарушенный тем, что последние 3 бейта его перечеркнуты, и возместивший его пространный вариант в 87 бейтов, оказавшийся промежуточной главой.

Вопрос о том, принадлежит ли краткий вариант эпизода автору Шахнамэ, не входит в задачу настоящей статьи. Но он неизбежно должен будет возникнуть, тем более после того, как разрешится вопрос об авторе пространного варианта. Пока можно сказать лишь то, что если краткий вариант непосредственно и не вызывает сомнений в своей принадлежности к основному тексту поэмы, то он и не внушает безусловной уверенности в обратном.

В отличие от этого пространный вариант с первых же строк поражает читателя и прежде всего некоторыми словами и выражениями, необычными для Шахнамэ. При ближайшей проверке часть этих слов обнаруживается и в других главах, которые предшествуют рассматриваемым и внушают основательные сомнения в своей подлинности.

В промежуточной главе, так же как и в других местах Шахнамэ, Рустем называется не только по имени. Двенадцать раз он назван здесь по одному из двух постоянных, заменяющих его имя эпитетов **تیمتن**, что значит «мощный», «могущественный», «исполн». Вполне уместный, когда речь идет о зрелом богатыре, этот эпитет неубедителен в применении к юному еще герою. Между тем указанный эпитет встречается уже в главах о первых юношеских подвигах Рустема. Впервые эпитет появляется в начальной части главы об убийстве отроком Рустемом Белого слона.

Глава начинается с того, что Заль пировал с друзьями, и после того, как у всех зашумело в голове (در سر افتاد شور), он повелел Рустему одарить гостей и отпустить их. Затем:

سیهبد بسوی شبستان خویش بیامد بران سان که بد رسم و کیش
تومتن همیدون سرش بر شراب بیامد گرازان سوی جای خواب

«Военачальник (т. е. Заль) отправился так, как это полагалось по обычаю и по религии, в свою опочивальню,

Таким же образом и Исполин (т. е. Рустем) с пьяной головой (дословно: с головой полной вина) проследовал, горделиво выступая, к месту сна».

Не лишне отметить, что упомянутые в первом из приведенных бейтов требования, якобы возлагавшиеся обычаем и религией на отправлявшегося ко сну благочестивого человека, не понятны и не могут быть объяснены на основании других мест из Шахнамэ. Это ничего не значащие слова, которые к тому же и не вяжутся с языком Фердовси, всегда точным и ясным.

Что касается эпитета *تیمتن* «исполин», то он употреблен здесь как хорошо известный и обычный, а не как возникающий впервые в поэме замечательный имену, требующий, как таковой, какого-то введения в текст. Между тем этот эпитет таким же точно образом, без пояснений, повторен четыре раза в продолжении той же главы и еще три раза—в следующей, непосредственно связанной с ней—главе о походе Рустема на гору Сипанд. Минуя по ходу повествования несколько глав, этот эпитет встречается еще один раз в одном из очень сомнительных бейтов в сценке, непосредственно предшествующей главе о поимке Рустемом коня Рахша. В этой сценке описывается, как Рустем получил от своего отца Заля палицу деда Сама, которой он по ходу повествования за три царствования до этого, еще в правление Минучихра, сокрушил Белого слона. Наконец, после этого случая следуют упомянутые выше двенадцать повторений эпитета в промежуточной главе.

Очень характерно, что как в промежуточной главе, так и в двух названных выше более ранних главах отсутствует другой постоянный эпитет Рустема *بیلتن* «слонотелый», возникающий в более ранней части поэмы, в главе о его рождении. Рустем появился на свет таким крупным, что

شگفت اندرو مانده بد مرد وزن که نشنید کس بچه بیلتن

«[При виде] его (т. е. Рустема) застыли пораженные мужи и жены, ибо никто не слышал, чтобы рождались слонотелые дети».

До промежуточной главы эпитет *بیلتن* «слонотелый» встречается еще один раз. Он содержится в словах Заля, обращенных к Рустему, в первом бейте выписки, приведенной выше в связи с первыми перечеркнутыми стихами в рукописи L. Этот бейт не относится к числу промежуточных.

برستم چنین گفت کای بیلتن

«Так сказал он (т. е. Заль) Рустему:— послушай-ка, слонотелый...».

В обоих случаях эпитет *بیلتن* «слонотелый» воспринимается должным образом и не вызывает сомнений в уместности своего появле-

ния. Более того, если даже допустить, что бейт, впервые вводящий его, может оказаться не подлинным, то второй случай его появления не потеряет от этого своей убедительности.

Таким образом, устанавливается признак, общий для промежуточной главы и двух ранних глав, повествующих о первых юношеских подвигах Рустема. Это, с одной стороны, отсутствие в них нормально введенного ранее в текст поэмы эпитета Рустема *بيلتن* «слонотелый» и, с другой, напротив, многократное повторение в них другого его эпитета *تهمتن* «исполин», неожиданно, неоправданно и неубедительно возникающего в самой ранней из этих глав.

Есть и другие признаки, связывающие между собой эти главы. В рассказе об убийстве Белого слона впервые в поэме появляется выражение *دل رير و بم*, что дословно значит «душа дискантовой и басовой струн», а здесь употреблено в значении «лютня». В том же значении во второй и последний раз в поэме оно встречается в промежуточной главе. Не лишне отметить, что этот образ не в духе Фердовси и отдает поэзией более позднего времени, во всяком случае не раньше XII в. Обращает на себя внимание и слово *بهلو*, отнесенное в значении «богатырь», «герой», «витязь» к юному Рустему и трем старшим представителям его рода в восходящем порядке. Оно встречается в упоминавшихся главах об убийстве Белого слона и о походе на гору Сипанд, в двух следующих за ними главах, содержащих переписку в связи с этой победой Рустема, и, наконец, в промежуточной главе. Во всех перечисленных местах слово *بهلو* приводится наряду с обычным и основным в Шахнамэ в тех же значениях словом *بهلوان*. В отличие от последнего слово *بهلو* встречается в предшествующей части Шахнамэ всего один раз применительно к еще молодому Залю, в сценке его охоты в Забулистане. Но и этот единственный случай представлен лишь одной рукописью из числа всех тех, что были привлечены для подготовки московского издания поэмы. В каждой из остальных рукописей соответствующий бейт имеет свое отличное чтение либо со словом *بهلو*, либо без него¹⁰.

Не менее существенны явления идейного и этического порядка, проявившиеся в тех же главах, объединяемых общими лексическими признаками. Чтобы разобраться в указанных явлениях, нужно проследить полностью содержание этих глав. Начало первой из них—главы об убийстве Белого слона—было изложено выше. Продолжение ее таково.

Уснув после попойки, Рустем сразу же просыпается от рева отцовского Белого слона, сбежавшего с привязи. Схватив палцу деда, он спешит из дому, но слуги преграждают ему путь. Ударом кулака он сбивает одному из них голову, разгоняет остальных и, сокрушив дверные запоры, выбегает наружу. Он пытается криком остановить надвигающегося

¹⁰ Указ. изд., т. I, стр. 164, бейт 432.

ся на него слона, но тот заносит над ним свой хобот. Тогда Рустем поражает его палицей, и этот подобный горе слон, согнувшись, падает на землю. Рустем возвращается домой и спокойно засыпает.

Утром о случившемся докладывают Залю. Он сначала проявляет странную со стороны любящего и заботливого отца скорбь по поводу утраты слона, который «на многих полях сражений полностью уничтожал армии своими нападениями»:

بسا رزمگاهها که آن پیل مست بجهله سپه یاک بر هم شکست

И лишь после этого он призывает к себе сына, хвалит его за отвагу и тут же предлагает ему, еще отроку, до того, как прозвучит его голос (بیشتر ز آنکه آواز نو بر آید), т. е. до того, как он прославится, отомстить за кровь его прадеда Наримана, убитого при безуспешной осаде им крепости на горе Сипанд. Осада этой крепости не удалась и деду Рустема, Саму, который, простояв долго у ее стен (نشست اندر اینجا بسی), вынужден был отступить, не отомстив за своего отца (سال و ماه), (زخون پدر نا رسیده بکام). Крепость стоит на вершине горы и уходит в облака своими строениями. Ведет в нее один-единственный, надежно укрепленный ход. Жители крепости не ощущают нужды ни в чем, кроме соли. Поэтому Заль советует сыну снарядить караван, груженный солью, и под видом торговцев проникнуть со своим отрядом в крепость. Хитрость удастся. Принятый доверчивыми жителями крепости Рустем уничтожает поголовно все население крепости, а награбленное имущество отправляет Залю «на тысяче тысяч верблюдов», специально для этого присланных последним. В это имущество входили и драгоценности, заполнявшие специальное помещение в одном из дворцов. Перед тем как оставить крепость, Рустем, по указанию отца, предает все огню.

В следующих двух небольших главах рассказывается, как Рустем извещает о своей победе Залю и как тот сообщает о том же своему отцу Саму, отправив ему, вместе с письмом, часть награбленного Рустемом имущества. Этим завершается ранний цикл юношеских подвигов Рустема и далее следует последняя глава раздела—«Царствование Минучихра», переход к которой осуществляется без какой-либо связи с предшествующим.

Обращаясь к оценке изложенных глав, следует начать с того, что первая из них очень напоминает рассказ из того же Шахнамэ о том, как под воздействием вина юный сапожник не только оказался в состоянии выполнить свой супружеский долг, что ему не удавалось до этого, но сумел также усмирить льва, сбежавшего из царского зверинца. Царь Бахрам Гур, узнав об этом усмирении, но не будучи осведомлен о подлинной причине происшедшего, велит выяснить, не из знатного ли рода происходит смельчак, ибо подобает, чтобы такую доблесть совершил пехлеван (که از پهلوان این دلیری سزاست). Однако мать отличивше-

гося поясняет царю, что ее сын потомственный сапожник, что его происхождение не позволяет ему подняться выше рода его занятий (وزان همیشه برتر نیامد کهر) и что все благородство его поступка заключалось всего лишь в трех чашах выпитого им вина (نژادش نبد جز سه جام). (تبید).

В рассказе о юном сапожнике выражена одна из основных идей Шахнамэ, согласно которой доблести являются врожденным свойством феодальных родов и передаются по наследству. Согласно же рассказу об убийстве Белого слона, Рустем совершает свой поступок не в силу присущих ему по происхождению свойств, а в силу выпитого им вина. Это ставит его—наследственного витязя и будущего главу иранского воинства—наравне с сапожником-простолюдином, который по своему происхождению был обречен на ремесленническое существование. Как ни гуманен был Фердовси, как ни широки были применительно к тому времени его взгляды, он был выразителем феодальных понятий и такое уподобление было бы ему чуждо. Поэтому если убийство слона в глазах автора рассказа могло служить к чести Рустема, то в глазах Фердовси оно могло только унижать его достоинство.

Однако случившееся не только не смущает Залю, но вызывает даже его одобрение. Более того, он тут же возлагает на юного сына долг отмщения за кровь прадеда Наримана, чего почему-то сам в свое время не попытался сделать.

Согласно рассказу, Нариман был направлен войною на гору Сипанд царем Феридуном. Однако причина похода неизвестна. Тем более непонятно, почему убийство из крепости осаждавшего ее военачальника могло повлечь за собой месть за его кровь.

Месть эта сопряжена с войной, начать которую, по отразившимся в Шахнамэ нормам, мог только царь. Заль не только нарушает прерогативу своего сюзерена, но даже не ставит его в известность об этом. Без ведома царя проводится война, предается огню захваченная крепость, присваивается награбленное имущество, в том числе и драгоценности, каковыми, согласно тем же феодальным нормам, мог распоряжаться только царь.

Способ, каким Рустем проникает в крепость, перекликается с подобным же способом, примененным им в зрелом возрасте при спасении молодого витязя Бижана, обреченного на голодную смерть в туранском плену. Однако здесь Рустем выступает не как глава груженого солью каравана, а как важный заморский купец, привезший для туранской знати дорогие товары. Делая щедрые подношения двору и придворным и соблюдая при этом свое достоинство, он завоевывает общее расположение, получает разрешение разбить свой шатер напротив царского дворца и ведет себя как равный великим. Освободив тайно ночью заточенного в колодце Бижана, он не пытается ни бежать тайно из вражеской страны, ни, тем более, прокрасться тайно к туранскому царю, чтобы отомстить

ему за его несправедливый и недостойный суд над Бижаном. Вместе с последним он с шумом врывается во дворец, уничтожая лишь пытающуюся преградить ему путь стражу, и оба они громкими кликами вызывают на бой царя. Последний в страхе убегает и немедленно приступает к сбору армии. Рустем в свою очередь призывает оставленное им на границе иранское войско и принимает бой в открытом поле.

Не в пример этому недостойно ведет себя юный Рустем на горе Сипанд. Получив в крепости приют и усypив бдительность охраны, он ночью коварно нападает на нее со своим отрядом и, застигнутую врасплох, разбивает. А наутро покорители истребляют всех, кого застают в живых. Подобно грабителям, они забирают все, что находят, и только потом, не будучи в состоянии вывезти награбленное, оставляют на месте его менее ценную часть. Но и она гибнет в огне вместе со всей крепостью.

Произведенный разбор показывает, что в рассмотренных главах о ранних юношеских подвигах Рустема проявились оценки и понятия вещей, чуждые тем идеям и этическим нормам, которыми проникнуты привлеченные для сравнения с этими главами близкие им по содержанию места из Шахнамэ, характерные вообще для поэмы в целом. Глава об убийстве Белого слона не связана ни с главой о походе на гору Сипанд, ни с последующими двумя главами, содержащими переписку в связи с победой на этой горе и повествующими о судьбе награбленного там имущества. Однако отразившиеся в этих главах оценки и понятия могут быть сведены к общим для всех них нормам. Если при этом вспомнить, что эти главы объединяются также некоторыми признаками лексического и стилистического порядка, то представится очень вероятным, что они принадлежат одному автору. Косвенным свидетельством в пользу этого суждения может служить то, отмеченное выше обстоятельство, что в промежуточных стихах, образовавшихся в связи с первым исправлением текста в рукописи L, дважды упоминаются, хотя и в обратном порядке, как это приводится здесь, поход Рустема на гору Сипанд и убийство Белого слона. Как тогда же отмечалось, в этом назойливом повторении можно усмотреть намерение убедить читателя в подлинности глав, рассказывающих об этих двух подвигах Рустема. Это намерение становится теперь понятным, и тем самым и эти одиннадцать промежуточных бейтов, содержащих указанные упоминания, должны принадлежать, вероятно, тому же автору.

Несколько иначе разрешается вопрос о последней из рассматриваемых глав—промежуточной, в которой рассказывается, как Рустем привозит Кобада из его резиденции близ горы Эльбурз в Иран¹¹.

Выше отмечалось, что в рукописи L, в связи с включением в нее указанной главы, был нарушен краткий вариант последней, почти дословно

¹¹ Не лишне отметить, что согласно обычному названию этой главы آوردن رستم

کیفباد را از کوه البرز Рустем привозит Кобада с самой горы, что не соответствует повествованию.

переданный Бундари в его арабском переводе Шахнамэ. Текст и русский перевод краткого варианта приведены выше, содержание же промежуточной главы следующее.

Приняв от отца поручение и отправившись в путь, Рустем наталкивается на многочисленные заставы туранцев. Он успешно преодолевает их. Разбитые туранцы бегут к своему царю Афраснабу, который, снарядив новый отряд под водительством некоего Кулуна, ранее не упоминавшегося в Шахнамэ, велит ему преградить Рустему обратный путь в Иран. Рустем же, прорвавшись через заставы, устремляется к горе Эльбурз, у подножия которой попадает в стан иранцев. Они предлагают ему приют и отдых, но, объяснив им цель своего приезда, Рустем торопится дальше. Узнав, зачем он прибыл, они настаивают на своем приглашении, пообещав указать ему, где находится Кобад. Рустем сходит с коня и его вводят в сад, в котором он встречается с Кобадом. Склонившись перед ним, Рустем передает ему призыв иранского воинства прибыть в царскую ставку для вступления на престол. В ответ Кобад сообщает, что у него уже был вещий сон. Ему приснилось, что со стороны Ирана прилетели два белых сокола; они несли золотую корону, которую и возложили ему на голову. Рустем торопит Кобада, и они отправляются в путь. Навстречу им выходит Кулун. Укрыв Кобада, Рустем выходит против Кулуна, вырывает у него из рук копье, которым тот пытался поразить его, снимает при помощи этого копья с седла самого Кулуна, всаживает копье колом в землю и растаптывает Кулуна под копытами своего коня Рахша. Туранцы и на сей раз обращаются в бегство. Рустем же возвращается к Кобаду и, дождавшись ночи, привозит его к Залю.

В бейте, непосредственно предшествующем изложенной главе, упоминается, что основанием избрания Кобада на престол было его происхождение от царя Феридуна (ز نخم فریدون یل کیفباد). Этим, очевидно, и должно быть объяснено то, что отец посылает Рустема за Кобадом к горе Эльбурз (تا بالبر زکوه). Согласно легенде, Феридун младенцем был принесен на эту дикую и суровую гору своей матерью, которая спасла его этим от преследований царя Зоухака и оставила здесь на попечении у одиноко проживавшего здесь старца-отшельника. Однако, достигши отрочества, Феридун спустился с горы и более в эти места не возвращался. Поэтому обнаружение его далекого потомка живущим у подножия горы Эльбурз является немного неожиданным. Царствовавший незадолго перед Кобадом Зев, сын Тахмаспа, тоже был избран на трон по признаку принадлежности к роду Феридуна, однако о поездке за ним к горе Эльбурз не было и речи. Поэтому не исключено, что поселяя Кобада в местах, связанных с детством Феридуна, автор промежуточной главы преследовал цель внушить читателю, что эта глава принадлежит к подлинным местам Шахнамэ. Возможно, что той же цели служат содержащиеся в главе две схожие между собою детали.

Отправляя за Кобадом сына, Заль велит ему подобрать в подмогу себе отряд из достойных воннов. Согласно нормам сыновнего послуша-

ния, отразившимся в Шахнамэ, Рустем не мог не выполнить указания отца. Между тем отряд воинов не появляется в дальнейшем повествовании. Напротив, все стычки с туранскими заставами Рустем ведет один и один же достигает горы Эльбурз. То же самое происходит и с отрядом иранских воинов, охраняющих Кобада. Едва успев предложить Рустему приют, а также помощь в достижении цели, они тут же бесследно сходят со сцены. Рустем один беседует в саду с Кобадом, один сопровождает его в Иран и один привозит к Залю.

Если вспомнить, что промежуточная глава включена в «Царствование Гершаспа», последнее же входит в начальный раздел Шахнамэ, а содержание этого раздела составляет в основном дружинный эпос, то подобные упоминания о сопровождающих героев и охраняющих царственных лиц военных отрядах вполне обычны. Необычным здесь является то, что, упомянув в ходе повествования о двух разных отрядах, автор в последующем не вспомнил ни об одном из них, не оправдав, таким образом, введение их в рассказ. Последнее не свойственно подлинным местам Шахнамэ. Введенные в повествование—безразлично, дружина ли это, простые ли воины, отряд ли войска, или целые армии,—они всегда оправдывают свое назначение. Если им даже не приходится действовать и они служат только фоном, на котором разыгрываются успехи и неудачи, победы и поражения царей, витязей и героев, Фердовси никогда не забывает обрисовать их роль.

Наряду с этими мотивами эпического характера, неубедительно внесенными в промежуточную главу, в ней обнаруживаются также заимствования из волшебных сказок. Такова открывшаяся издали Рустему картина чудесного сада, в котором под сенью деревьев у берега ручья или реки сидит на троне светлый царственный отрок Кобад, ведущий вдали от мирских тревог и волнений тихую безмятежную жизнь.

Правда, при этом автор не забывает упомянуть ни о множестве богатырей, подтянутых по обычаю великих господ поясами и выстроившихся в ряд:

رده بر کشیده بسی بهلوان برسم برردان کمر بر میان

хотя этому могли служить препятствием обилие деревьев и ручей, если только не река (درختان بسیار و آب روان); не забывает он и о том, что это, уже ставшее почему-то царственным, собрание напоминало своими красками рай:

بیاراسته مجلس شاهوار بسان بهشتی برنگ و نگار

Однако все это лишь подтверждает, что в промежуточной главе смешаны сказочные и эпические мотивы, так же как и то, что в ней встречаются детали, не внушающие доверия.

Сказочным в этой главе является также мотив птиц в их обычной роли благих вестников. Однако, в виде исключения, эта роль возложена

здесь на соколов. Мало того, они здесь не только благие вестники. Они выполняют еще завет доставить Кобаду золотую корону и увенчать его ею. Последнее, хотя бы даже в виде приснившегося, едва ли мирилось бы с феодально-регламентированными понятиями Фердовси об обряде возведения на трон и венцевозложения, которые нашли свое отражение в его поэме. Но это еще не все.

В волшебных сказках Ирана образ сокола связан с понятием о власти и является одним из ее признаков. Однако в подобных случаях сокол выступает только в единственном числе. В этом виде образ сокола не проник в Шахнамэ. Вообще же сокол в поэме упоминается часто, но только как ловчая птица. Таким образом, здесь произошло смешение двух разных образов: птиц, как благих вестников, и сокола, как признака власти.

В промежуточной главе естественно было бы искать непосредственные заимствования из Шахнамэ. Не исключено, что описанная в конце главы сценка единоборства Рустема с Кулуном является отголоском сцены охоты уже взрослого Рустема из первой главы «Сказания о Сохране». Там, убив онагра, Рустем насаживает его на ствол дерева, как на вертел. Здесь, поразив Кулуна копьём, Рустем с помощью последнего снимает его с коня, как птицу, насаженную на вертел.

Разделавшись с Кулуном и отогнав туранский отряд, Рустем, однако, не торопится в дорогу. Он дожидается ночи и под покровом темноты доставляет Кобад в иранскую ставку. Такое поведение Рустема оставалось бы непонятным, если не принять во внимание, что на этом заканчивается промежуточная глава. Как указывалось выше, за нею следует повторение двух из трех бейтов, предшествующих ей и перечеркнутых. Началом этого повторения является мисра *بنزدیک زال اوریدش بشب* «привел его (Кобад) ночью к Залю». Ясно, что с этими словами нельзя было не согласовать окончание промежуточной главы.

При разборе рассмотренных выше глав, наряду с обнаруженными в них смысловыми несоответствиями и непоследовательностью в поведении, отмечались также расхождения в идейном и этическом аспектах с поэмой в целом. В промежуточной главе нет столь же резко проявившихся отклонений в указанных двух аспектах. И все же можно отметить некоторые необычные штрихи в поведении двух главных действующих лиц.

Так, Кобад встает с трона, чтобы выслушать передаваемое ему Рустемом приглашение прибыть в Иран. До этого, едва успев принять Рустема, Кобад лично передает ему чашу вина, держа другую в свободной руке. Остается неясным, осушают они эти чаши или нет. Далее, выслушав приглашение, Кобад требует вина, пьет за здоровье Рустема, и Рустем пьет за его здоровье. Между тем в подлинных местах Шахнамэ встречи особ царского рода хотя бы с наиболее высокопоставленными их слугами и с выдающимися героями не носят интимно-дружеского характера. Особы царского рода во время приемов неизменно сидят на

троне и не встают с него, пока не закончится прием. При этом всегда соблюдается известная торжественность и пафос расстояния между сюзереном и его вассалами. Да и помимо этого в начальном разделе Шахнамэ к вину обычно обращаются лишь после трапезы.

Выше отмечалось, что промежуточная глава по некоторым лексическим признакам связывается с главами о раннеюношеских подвигах Рустема. И хотя последние, за редким исключением, образуют по-своему замкнутый круг, указанная связь служит основанием к допущению, что и промежуточная глава может принадлежать все тому же автору, которому эти главы предположительно приписаны выше.

Однако по другим лексическим совпадениям промежуточная глава может быть связана с главами о последующих юношеских подвигах Рустема. С некоторыми из них, в частности с начальными эпизодами особо выделенного цикла *هفت خوان رستم*, она может быть сближена и по линии смешения в ней мотивов эпического и сказочного происхождения. Как теперь можно заключить, главы о раннеюношеских подвигах Рустема в этом отношении проще и однороднее — в них чисто сказочный элемент отсутствует.

Поскольку прослеживаемые промежуточной глав связи тянут в две разные стороны, главы же о последующих юношеских подвигах Рустема не подвергались разбору хотя бы в той мере, в какой разобраны выше главы раннеюношеского периода, целесообразнее не пытаться пока решать вопрос о том, с главами какого из этих двух периодов с большим основанием может быть сближена по линии предполагаемого авторства промежуточная глава. При этом следует принять во внимание, что она не лишена и особенностей. Так, возвращаясь к ее лексике, можно добавить, что из всей поэмы только в этой главе содержатся приведенные по одному разу слова: *لبالب* в значении «по края» (наполненная чаша) и *علفزار* в значении «луг», «пастбище». Как известно, и для того, и для другого понятия в Шахнамэ достаточно иных слов и выражений.

Признав, что и промежуточная глава, подобно главам о раннеюношеских подвигах Рустема, не может принадлежать к подлинным местам Шахнамэ, можно отметить свойственную всем этим интерполированным текстам черту. В любом из них обнаруживаются, если не целое явление, то ситуация, либо, по крайней мере, деталь или штрих, заимствованные из подлинных мест Шахнамэ. Не исключено, конечно, что не все заимствования прямые. Среди них могут оказаться и такие, которые опосредствованы другими, подобными же интерполяциями в поэму.

Если высказанные выше суждения о промежуточной главе могут представлять нечто новое, то суждения о более ранних главах являются в лучшем случае лишь запоздавшим обоснованием того, что фактически, если не полностью, то в большей своей части уже признано. Так, в московском издании Шахнамэ вынесены в Приложения, как интерполированные, следующие главы, повествующие о раннеюношеских подвигах

Рустема, составляющие последовательный ряд и завершающие этот круг: «Убийство Белого слона», «Поход на гору Сипанд», «Письмо Рустема Залю о захвате крепости Сипанд», «Письмо Залю Саму о победе Рустема»¹². При этом, однако, Комиссия, принявшая на себя редактирование этого издания после смерти его первого редактора Е. Э. Бертельса, указывает, что согласно принципам издания, которые были сформулированы им, перечисленные главы, как представленные большинством привлеченных рукописей поэмы, должны были быть сохранены в основном ее тексте заключенными в квадратные скобки. Вместе с тем Комиссия приводит по времени более позднее мнение Е. Э. Бертельса, высказанное им в его «Истории персидско-таджикской литературы» (стр. 201, прим. 46) о том, что глава об убийстве Белого слона, отсутствующая в арабском переводе Бундари и в одной из рукописей поэмы, использованных для издания (условно обозначаемой VI), является, «видимо, позднейшей интерполяцией». Комиссия, при этом, вынуждена признать, что точно так же обстоит дело и с главою о походе Рустема на гору Сипанд, относительно которой Е. Э. Бертельс не высказал подобного же суждения¹³.

Приняв более позднее суждение Е. Э. Бертельса относительно главы об убийстве Белого слона, хотя и высказанное им походя и то лишь в виде предположения, Комиссия, как и следовало, сочла должным распространить это и на последующие главы, образующие вместе с названной законченный круг. При этом, однако, остается непонятным, почему Комиссия не признала нужным вынести в Приложения также одиннадцать промежуточных бейтов, представленных, как уже отмечалось, из числа всех источников, привлеченных для московского издания Шахнамэ, одной лишь рукописью L. Эти бейты сохранены, хотя и не в основном тексте, но при нем, в подстрочных примечаниях¹⁴.

Еще более непонятна картина с промежуточной главой. Она полностью сохранена в основном тексте на своем месте, в конце раздела «Царствование Гершаспа», и ни один ее бейт не взят под сомнение. И, напротив, не мало бейтов из предшествующих ей глав, так же как и само заглавие раздела, заключены в квадратные скобки. Поскольку заглавие имеет такой же вид и в общем оглавлении тома, то смысл этой лишенной логической ясности картины может быть понят так¹⁵. Очевидно, Комиссия, подвергая сомнению подлинность всего раздела о царствовании Гершаспа, допускает все же некоторые исключения из этого. При этом она считает, что из всех глав раздела полностью подлинной может оказаться только промежуточная глава. Иначе говоря, наиболее надежной из подвергнутых сомнению признается та глава, явная неподлинность которой легче всего поддается определению.

¹² Указ. изд., т. I, стр. 264—272.

¹³ Там же. Предисловие на русском языке, стр. 22 (не пагинарована).

¹⁴ Указ. изд., т. II, стр. 50, прим. 17.

¹⁵ Там же. Оглавление и персидский текст, стр. 47—61.

Подобные результаты не могут вызывать удивление, если принять во внимание те соображения, которыми руководствовалась Комиссия. Унаследовав, как указывалось, от Е. Э. Бертельса выработанные им принципы издания и откорректировав их его же более поздним, походя, и то лишь в виде предположения высказанным замечанием, Комиссия, в сущности, не внесла в них ничего нового. Говоря в общем, эти принципы сводятся к следующему. В зависимости от того, в скольких источниках из числа привлеченных для подготовки издания (рукописи и арабский перевод Бундари) встречается тот или иной раздел поэмы, эпизод, отрывок или бейт, он: либо, как подлинный, попадает в основной текст; либо, как сомнительный, сохраняется в последнем, однако заключается в квадратные скобки; либо, наконец, как интерполированный, выносится в Приложения. При таком формальном, можно сказать, статистическом подходе критике текста остается всего лишь фиксация всех встречающихся расхождений и разночтений и выбор из них наиболее убедительных и наиболее вероятных.

Руководствуясь этими принципами, которые к тому же, как было показано, применялись не достаточно последовательно, Комиссия, однако, воздержалась от их изложения, довольствуясь лишь приведенными выше ссылками на Е. Э. Бертельса. Комиссия вообще предпочитает молчать. Даже по вопросу об общей оценке осуществленного ныне ею издания, как и по вопросу о возможностях подготовки в будущем более критического текста Шахнамэ, вместо Комиссии, но, несомненно, выражая ее мнение, высказалась редакция «Кратких сообщений Института востоковедения АН СССР»: «...текст ...в целом представляет собою редакцию, относящуюся к XIII в. Нет сомнений, что эта редакция стоит много ближе к оригиналу, чем все существующие издания, дающие текст XV и последующих веков. В настоящее время, до того, как будут обнаружены списки старше XIII в., на что вряд ли можно рассчитывать, в области критики текста Шахнамэ большего сделать нельзя. Привлечение других рукописей, хранящихся в коллекциях всего мира, несомненно даст возможность внести исправления и улучшения в публикуемый текст»¹⁶.

Не останавливаясь на затрагиваемом в выписке первом вопросе — о времени, к которому восходит текст московского издания, по второму вопросу можно высказать следующее. Безусловно, даже одни лишь привлеченные для московского издания источники вполне достаточны для того, чтобы обеспечить подготовку текста, более близкого к оригиналу поэмы, чем во всех предшествующих изданиях. И тем не менее, в первом издании Шахнамэ, осуществленном в 1829 г. в Калькутте, можно обнаружить чтения, имеющие несомненные предпочтения перед всеми существующими изданиями, включая и московское. Это объясняется, во-первых, тем, что среди использованных для калькуттского издания рукописей были экземпляры, хотя и не очень ранние, но содержащие не столь

¹⁶ Новое издание «Шах-намэ» Фердоуси. От редакции «Кратких сообщений», вып. XIII, М.—Л., 1955, стр. 9.

уж плохо сохранившийся текст; и, во-вторых, тем, что лица, подготовившие это издание, не находились в такой мере, как последующие издатели Шахнамэ, в тисках чисто формальных соображений.

Редакция «Сообщений» не ограничивается тем, что объявляет московское издание наиболее близким из всех существующих изданий к оригиналу Шахнамэ. Она считает также, что это издание является пределом возможностей для критики текста поэмы, полагая, что этот предел может быть превзойден лишь с обнаружением рукописей старше XIII в., на что, как она сама справедливо признала, вряд ли можно рассчитывать. Так рассуждать можно лишь при условии, когда критика текста сводится к соображениям, основывающимся на одних голых статистических данных.

В настоящей статье и была сделана попытка показать, как важно, наряду с этими формальными соображениями, отдавать должное стилю произведения, его языку, не ограничивая понятие о последнем одной лишь лексикой, наконец, отразившимся в подлинных местах Шахнамэ идеологии автора и той системе этических и моральных норм, которые в обилии встречаются в строках и между строк поэмы. Подлинная критика текста Шахнамэ, как и любого другого крупного поэтического произведения средневекового Ирана, не может быть иной. И при таком подходе не будет места тем пессимистическим воззрениям на возможности дальнейшей работы над текстом Шахнамэ, которые выражены в приведенной выписке.

Пенять на отсутствие рукописей старше XIII в., пока к привлеченным для московского издания рукописям и к арабскому переводу Бундари не применены методы критики текста в их должной совокупности, равносильно признанию недостаточности фактически примененного приема.

Подводя в целом итог всем существующим изданиям Шахнамэ, включая московское, следует сказать, что все еще не перейден тот рубеж, когда от издания рукописей произведения можно перейти к изданию самого произведения. И, как ни странно, но, благодаря тому, что лица, подготовившие калькутское издание, в своем понимании задач критики текста были, как уже отмечалось, менее скованы чисто формальными соображениями, чем последующие издатели Шахнамэ, это первое по времени издание, даже при наличии московского, последнего по времени издания, более чем остальные приближается к указанному рубежу.

Всякий подход предопределяет результат, к которому он приводит. Придерживаясь одного лишь формального статистического подхода, нельзя рассчитывать на большее чем на издание рукописей поэмы. Придерживаясь всестороннего критического подхода, можно рассчитывать постепенно приблизиться к подлинному тексту поэмы и издать ее. Ограничиваясь одним формальным методом, действительно, не трудно прийти к заключению, что «большего сделать нельзя». Руководствуясь подлинно критическим подходом, можно добиться многого и при наличном, отнюдь не недостаточном материале.

ՃՇԳՐՏՈՒՄՆԵՐ «ՇԱՀՆԱՄԵԻ» ՀՆԱԳՈՒՅՆ ՁԵՌԱԳՐԻ ՏԵՔՍՏՈՒՄ

Լ. Տ. ԳՅՈՒՋԱԼՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

«Շահնամեի»՝ Բրիտանական թանգարանում պահվող հնագույն ձեռագրում (Rieu 21.103) տեքստի սովորական ձշգրտման (սխալմամբ կրկնված և շեղ գծերով ջնջված տողեր) կողքին առկա է երկու ձշգրտում՝ ջնջված տողեր, որոնք նախապես մտցված են եղել տեքստում: Այդ տողերը վերականգնված են առաջին դեպքում 11 երկտողից հետո, մյուս դեպքում՝ 87 երկտողից բաղկացած մի ամբողջ զլխից հետո: Այդ երկու դեպքերը բնորոշ վկայությունն են այն բանի, թե ինչպես «Շահնամեի» արտագրման ժամանակ այլ գրագրերից փոխառված ամբողջական հատվածներ, որոնք բացակայում էին հիմնական ձեռագրում (որից կատարվում էին արտագրությունները), ընդմիջարկվում էին:

Պոեմի մեջ մտցված այդ ընդմիջարկությունները վերաբերվում են Գերշասպի թագավորության միևնույն բաժնին, մի բան, որ դյուրացնում է նրանց գնահատման խնդիրը: Առաջին՝ փոքր հատվածը, բացակայում է ՍՍՀՄ ԳԱ արևելագիտության ինստիտուտի XV դ. C—822 ձեռագրում, որը պոեմի ամենահամառոտ խմբագրություններից մեկն է: Այն իր արտահայտությունը չի գտել նաև պոեմի՝ XIII դ. 20-ական թթ. կատարված արաբական թարգմանության մեջ: Այստեղ շեղված է 87 երկտողից բաղկացած գլուխը, որը պոեմում ընդմիջարկված երկրորդ հատվածն է:

Վերևում թվարկված զուտ ձևական պատճառաբանությունների կողքին, պատճառաբանություններ, որոնք կասկածի տակ են դնում վերոհիշյալ ընդմիջարկությունների հարազատությունը, նրանց կասկածելիությունը առավել ևս հաստատվում է ընդհանրապես պոեմի հետ ունեցած ակնբախ տարբերություններ, հատկապես երբ համեմատության մեջ ենք դնում դրանք պոեմի այն հատվածների հետ, որոնց հարազատությունն անվիճելի է: Ընդմիջարկությունների լեզուն պոեմի լեզվի համեմատությամբ հանդես է բերում տարբերություններ և՛ ոձական, և՛ բառապաշարային առումով, տարբերություններ կան առանձին բառերի իմաստի և գործածության մեջ, վերջապես, կան բառեր և դարձվածքներ, որոնք պոեմի այլ տեղերում չեն հանդիպում: Ընդմիջարկություններում իրենց արտահայտությունն են գտել էթիկական հասկացողություններ, վարվելակերպի նորմաներ, որոնք օտարոտի են և հակադիր պոեմում արտահայտվածներին: Վերջապես, ընդմիջարկություններում նշմարելի դադափարախոսությունը չի դալիս Շահնամեի հեղինակի ափսոսանք սոցիալական շրջաններից, որոնց համար է նա ստեղծել իր պոեմը:

Վերոհիշյալ բոլոր նկատառումները հանգեցնում են այն եզրակացության, որ պոեմ մուտք գործած ընդմիջարկությունները անառարկելիորեն անհարազատ են, և քանի որ նրանք սերտորեն կապված են Գերշասպի թագավորությանը վերաբերող բաժնի մյուս զլուխների հետ, ապա այդ եզրակացությունը անխուսափելիորեն տարածվում է ամբողջ բաժնի վրա: